

## ВИЛЬГЕЛЬМ ВАЙШЕДЕЛЬ НИЦШЕ ИЛИ СИЛА И БЕССИЛИЕ НИГИЛИЗМА

ИЗ КНИГИ «ЧЁРНАЯ ЛЕСТНИЦА ФИЛОСОФИИ»

*Wilhelm Weischedel. Die philosophische Hintertreppe  
Munchen, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1998. S.256–264  
Перевод с немецкого К.А. Терентьевой*

Когда в обществе звучит имя Ницше, почти неизбежно кто-то процитирует: «Ты идёшь к женщинам? Не забудь кнут». Однако эти слова, которые Ницше в «Заратустре» вложил в уста одной старой женщине, дают совершенно неправильную картину его отношения к женскому полу. Дело в том, что он в этом отношении чрезмерно застенчив. И это несмотря на то, что он в молодости, после смерти отца, окружён оказался только женщинами: бабушкой, мамой, двумя тётками и сестрой.

Боязнь всего женского остается, несмотря на это обстоятельство, или, возможно, именно это ей и способствует.

Правда, Ницше, будучи студентом, решает на то, чтобы устроить овацию девушкам, которые, по его предположению, находятся за опущенным занавесом, но только в присутствии университетских товарищей. И однажды, по недоразумению, будучи неправильно понятым слугой, он спасается бегством, сыграв прежде удивлённым дамам «в блёстках и газе» пару тактов на пианино.

В другой раз он издали восторгается одной актрисой и посылает ей домой специально для неё сочинённые песни; правда ответа, насколько мы знаем, удостоен он не был.

Потом дело доходит до маленького дорожного знакомства с одной балетной танцовщицей; однако это скромное приключение резко заканчивается на вокзале станции назначения.

В другой раз Ницше делает одной даме письменное предложение, но лишь тогда, когда он собрался уезжать; письмо было к тому же настолько неуклюжим, что не удивительно то, что оно не имело дальнейших последствий.

Затем он обожает Козиму, жену Рихарда Вагнера.

Он даже приглашает несколько пользующихся его вниманием молодых женщин посетить его в Швейцарии; но и из этого ничего не получается.

Но однажды Ницше влюбляется по уши, причём в известную женщину, которой тогда было, правда, только 21 год: Лу Саломе. Уже при первой встрече он спрашивает: «Под какой звездой мы нашли друг друга?». Он доверяет Лу свои сокровеннейшие мысли и видит в ней свою единственную ученицу. Но он не осмеливается сам просить её руки. Он посылает вперёд одного друга, не подозревая, что он влюблён в ту же женщину и даже сам сделал ей предложение.

Таким образом, получается так, что друг сообщает ему отрицательный ответ.

И вскоре отношения с Лу и другом распадаются, – в основном из-за интриг со стороны сестры.

В конце концов, Ницше только и остается сказать: «Женатый философ – персонаж комедии».

Ещё остаётся сестра Ницше, прозванная «ламой», которая объявляет брата, как во время его жизни, так и после его смерти, своей собственностью, но которая также опутывала его своими интригами и которая в своих достойных признания усилиях относительно наследия не страшилась также демонстративных подлогов.

Из всего этого видно: «Кнут в руке Ницше – это бабские сплетни».

Тем более философское самосознание Ницше. «Возможно, что я являюсь первым философом эпохи, возможно даже, что я – нечто большее: решающая, роковая фигура на стыке тысячелетий».

Он воспринимает себя причастным некой «решающей задаче, которая раскалывает историю человечества на две половинки». Он усматривает своё назначение в том, чтобы «подтолкнуть человечество к решениям, которые имеют силу над его будущим».

Фридрих Ницше родился в 1844 году в семье протестантского священника. Ребёнком он, очевидно, впитал всевозможные проявления духа своего родительского дома; сообщается, что он «мог произносить библейские изречения и исполнять церковные песнопения с таким выражением, что трудно было удержаться от слёз»; он получил прозвище «маленький пастор».

Однако мальчик блистает и в других областях. В 10 лет он сочиняет мотет и множество стихотворений; в 14 лет он уже берётся за свою биографию. Когда Ницше поступает после этого в знаменитое учебное заведение «Schulpforta», он оказывается блестящим учеником, преуспевающим, прежде всего в немецком сочинении и в музыке. Не ладится только с математикой и правописанием.

О строгости воспитания свидетельствует маленькая история о том, что Ницше однажды должен был дежурить и составил отчёт в шуточной форме – примерно так: «В такой-то аудитории лампы горят настолько тускло, что ученики вынуждены осветить их собственным светом», или «Недавно в седьмом классе гимназии парты были выкрашены и проявляют нежелательную преданность к сидящим на них». Об успехе этой попытки, разнообразить отчёт, сообщает сам Ницше: «Суровые господа учителя, удивлённые тем, как можно было в такую серьёзную вещь примешать шутку, пригласили меня в субботу в Синод и здесь предписали мне в качестве штрафа не менее трёх часов карцера и лишили прогулок».

Отдалившись уже во время обучения в школе от религиозности родительского дома, Ницше изучает после её окончания вместо теологии, что соответствовало бы семейной традиции, классическую филологию, притом

в Бонне и Лейпциге. На короткое время он становится студентом – членом корпорации, дерется также на дуэлях, и денег ему, между прочим, не хватает.

Наряду с записями по специальности он много времени посвящает изучению Шопенгауэра, «того энергичного, мрачного гения», пессимизм которого неодолимо его влечёт.

«Здесь я увидел болезнь и исцеление, изгнание и приют, ад и рай. Потребность самопознания, саморазрушения захватила меня целиком». Другая же рекомендует «вдохнуть аромат шопенгауэровской кухни».

Но и в выбранной им науке раскрываются блестящие дарования Ницше. Его учёный наставник, известный филолог-классик Ритшл, называет его «кумиром всех молодых филологов».

Между тем, правда, он отходит от духовного мира; его призывают служить в конной артиллерии. Есть одна фотография воинственного вида, на которой Ницше с лицом учёного аскета, но и с громадной саблей представляет собой философа в образе воина.

Его задача, как он пишет теперь, состоит в том, чтобы «обнять здешние пушки скорее ожесточённо, чем нежно».

Двадцатипятилетнего Ницше, ещё до защиты его кандидатской диссертации, приглашают в качестве профессора в Базель. Там он плодотворно развивает преподавательскую деятельность, выходящую и за пределы Университета.

В это время достигает апогея дружба с Рихардом Вагнером, с которым Ницше позднее оказывается в смертельной ссоре.

И всё же Ницше охватывает сомнение, сможет ли он когда-либо стать «истинным философом».

К тому же его первое большое сочинение «Рождение трагедии из духа музыки» вызывает у специалистов или полное невнимание, или страстные возражения.

В конце концов, через 10 лет, он отказывается от должности преподавателя, угнетённый тяжело переносимыми головными болями и болями в глазах, а также измученный приступами меланхолии, сложностями в общении с людьми и сомнениями по поводу смысла университетского обучения.

С этого времени Ницше живёт как «блуждающий беглец» между Базелем и многочисленными областями Германии, Италии и Швейцарии, останавливаясь везде в скромных гостиничных номерах.

В захватывающем дух темпе он производит на свет свои сочинения. Они остаются, однако, практически без отклика. Ницше этим глубоко разочарован.

Он всё более тяжело ощущает своё одиночество. «В моей непреклонной и тайной борьбе против всего того, что люди до сих пор почитали и любили, незаметно возникло нечто во мне самом, ставшее подобием некой пещеры – нечто сокровище, чего больше нельзя найти, даже если отправиться на поиск».

«Я называю себя последним философом, ибо я – последний человек. Никто не разговаривает со мной кроме меня самого, и мой голос возвращается ко мне как голос умирающего».

Когда и «Заратустра» не находит отклика, Ницше пишет: «После такого вызова из самой глубины души не услышать ни звука в ответ – это ужасно; это вырвало меня из всех взаимосвязей с живыми людьми».

Несмотря на это он знает: он должен идти своим путём. Но он и осознаёт: «Я всегда нахожусь на краю пропасти».

Пропасть разверзлась окончательно, когда Ницше в 1889 году в 45 лет испытал нервный срыв. Это случилось в Турине: рыдая, он обнимает лошадь, с которой кучер плохо обращался, и его, бормочущего что-то невнятно, увозят обратно в гостиницу. Врачи говорят, что у него паралич, произошедший из-за перенесённого юные годы сифилиса.

Затем ещё 11 лет он живёт в доме матери, окружённый её заботой, а также заботой сестры.

Теолог Овербек, один из его самых верных друзей, сообщает об этом времени следующее: «Случалось так, что он под громкое пение и неистовую игру на пианино выкрикивал фрагменты из того мира мыслей, в котором он под конец жил, и при этом также в коротких предложениях неопределимо мягким тоном уточнённые, странным образом прозорливые и невыразимо жуткие вещи о себе самом как последователе умершего Бога, словно расставляя всё это на пианино как знаки препинания, после чего вновь следовали судороги и вспышки неопределимого страдания; однако, как уже говорилось, это происходило очень быстро, насколько я мог наблюдать это в своём присутствии; в основном преобладали высказывания, связанные с профессией, которую он сам себе придумал – быть шутком новой вечности, и он, несравненный мастер слова, был не в состоянии сам воспроизвести свои радостные восторги иначе, чем в тривиальнейших выражениях или в причудливых танцах и прыжках».

В 1900 году Ницше умер.

Мышление Ницше теснейшим образом связано с его жизнью.

«Я всегда писал свои произведения, вкладывая в них всё моё тело и жизнь».

Поэтому те превращения, которые у Ницше претерпевает мысль, являются всегда также и стадиями его существования.

К нему самому относится то, что он вкладывает в уста Заратустры: «Я скажу вам о трёх превращениях духа: как дух становится верблюдом, верблюд – львом, и, наконец, лев – ребёнком». Верблюд олицетворяет стадию почтения, веры в идеалы, терпеливого перенесения обычаев из поколения в поколение. Лев символизирует раскол этой веры, время свободного духа, переживание нигилизма. Наконец, ребёнок указывает на поиск путей преодоления нигилизма; это стадия невинного «да» по отношению к жизни, время новой религиозности.

В соответствии с этим духовный путь Ницше начинается с уважения ко всему тому, что в качестве культурного творения передаётся из прошлого в настоящее.

«Первый шаг: Относиться с большим уважением, чем кто-либо другой (а также повиниться и учиться). Вобрать в себя все достойные уважения ценности и позволить им побороться друг с другом. Вынести все

трудности». В этом замысле культурные ценности, в особенности в изобразительном искусстве и музыке, оправданы в шопенгауэровском смысле как благотворная иллюзия, как игра на краю пропасти мира. Ибо то, что действительность расколота до самых глубин, Ницше знает уже на своей первой стадии. К примеру, эллинизм [греческую культуру] постигают не благодаря тому, что его понимают, как хотел Винкельманн, как «благородную наивность и тихое величие». Он произрастает, скорее, из содрогаемой почвы. Момент апологонического, мера и порядок, находится в постоянной борьбе с дионисийским, с принципом разрушения, но одновременно и творческой мощью. Только из них обоих возникает высочайшее достижение эллинизма: трагедия.

Первая стадия завершается тем, что вера в культуру разрушается. Характерным для неё является отношение Ницше к музыке Рихарда Вагнера. Сначала он выражает к ней своё одобрение как к проявлению нового общекультурного начала. Но затем он усматривает в ней симптом упадка. И теперь её настоящее вообще представляется ему как время декаданса. «Время, в которое мы заброшены», это «время великого внутреннего упадка и распада. Этому времени свойственна неопределённость; ничто не имеет под собой твёрдой почвы и непреклонной веры в себя».

Характерным выражением, которое Ницше выбирает для обозначения времени разрушения, является слово «нигилизм». На место, казалось бы, так надёжно существующего вступает «Nihil», ничто. «То, что я рассказываю, это история следующих двух веков. Я описываю то, что придёт, то, что не может больше прийти по-другому: утверждение нигилизма. Эта история может быть уже сейчас рассказана, ибо здесь действует сама необходимость».

Это будущее проявляется уже в сотне признаков, эта судьба заявляет о себе повсюду; эту музыку будущего уже все готовы услышать. Вся наша европейская культура уже долго развивается в мучительном напряжении, которое возрастает от десятилетия к десятилетию, приближаясь к катастрофе: беспокойно, насильственно, поспешно: подобно потоку, который стремится к завершению, который больше не размышляет, который боится размышлять».

Сам Ницше знает, что он тесно связан с этой судьбой. Свою задачу он видит в том, чтобы в самом себе разрешить проблему нигилизма. Таким образом, тот, каким он себя видит, это «первый совершенный нигилист Европы, который, правда, уже пережил в себе сам нигилизм до конца».

В соответствии с этим, Ницше принимает за то, чтобы безжалостно разоблачить внутреннюю хрупкость своего времени и показать, что настоящее пронизано нигилизмом, и каким образом. Он как раз считает своей задачей «подготовить момент наивысшего самоосмысления человечества». Для Ницше это дело «свободных умов».

«Второй шаг. Разбить почитающее сердце, когда человек крепче всего к нему привязан. Свободный дух. Независимость, время пустыни. Критика всего почитаемого».

Задача свободного духа состоит прежде всего в том, чтобы разрушить унаследованные и закрепившиеся предрассудки. Это происходит в тройном отношении. Прежде всего, речь идёт о разрушении веры в истину. Эпоха полагает, что обладает истиной; она гордится прогрессом в своём научном познании. Но Ницше открывает: сознание времени подорвано. Человек, такой, каким он теперь является, не имеет возможности постичь абсолютную истину. Остаётся лишь «понимание того, что любая вера, всё то, что мы считаем истинным, с необходимостью ложно». Итак, во-первых, нигилизм означает: истины нет.

Во-вторых, нигилизм значит: морали нет. Ницше с полной ясностью видит сомнительность общепринятой морали: то, что она провозглашает нравственные принципы, но что поступки ей не руководствуются. Именно это становится очевидным в нигилизме. Он является «верой в абсолютное обесценивание», «верой в абсолютную бессмысленность». Причина необходимости такого нигилистического ниспровержения морали заключается в ней самой. Она обратила себя против жизни; она стала «противоестественной». И вот жизнь и природа бунтуют теперь ради истинности против морали. «Самоубийство морали – это её последнее моральное требование».

В-третьих, нигилизм означает: что религии нет.

В последовательном проведении своей нигилистической позиции Ницше доходит до непереносимого отрицания прежде всего христианства. «Тот, кто будет для меня сегодня двойственным в своём отношении к христианству, тому я не подам мизинца двух моих рук. Здесь имеет место только честность: определённое «нет». Но Ницше смотрит глубже. Христианство разбивается о само себя, так как оно с самого начала отворачивается от непосредственной жизни и именно из-за этого стало нигилистичным в своей основе. Тем не менее, опять-таки: крушение христианства происходит из него самого, из возвращённого в нём инстинкта правдивости. Поэтому сейчас наступило время, «когда вызывающая благоговение катастрофа возвращения истины на протяжении 2.500 лет исключает ложь в вере в Бога».

При крушении религии обнажается то, чем она была всегда: потенциал человека, «дело человека и его помешательство». Поэтому самая глубина нигилизма выражается словами: «Бог мёртв». «Где Бог? Я хочу вам это сказать. Мы его убили, – вы и я! Мы все – его убийцы! Но каким образом мы сделали это? Как смогли мы выпить море? Куда мы движемся? Не блуждаем ли мы будто сквозь бесконечное 'нет'? Бог мёртв! Бог остаётся мёртвым! Как мы утешаемся, убийцы всех убийц? Не являются ли размеры этого поступка слишком большими для нас? Не должны ли мы сами стать богами, чтобы быть достойными только их? Никогда не было более великого поступка, – и кто бы после нас ни был рождён, будет принадлежать благодаря этому поступку истории на её более высокой ступени, чем вся история, которая имела место до сих пор».

Но Ницше, однако, знает: результат смерти Бога – это «обилие и последовательность разрывов, разрушений, гибели, переворотов»; дело доходит до «чудовищной логики ужаса, помрачения и затмения Солнца, подобных которым на Земле ещё, вероятно, не было». В конце у Ницше возникает вопрос, можно ли

остаться в условиях нигилизма. Он устанавливает: нигилизм не является чем-то окончательным. В нём позитивно то, что он представляет собой переходное состояние. Благодаря ему «в Европе возникло такое великолепное напряжение ума. С натянутым таким образом луком можно стрелять по самым отдалённым целям».

Это поворотный момент к третьей стадии. Здесь для Ницше важно – назло всему продолжающему действовать нигилизму – утверждать жизнь. Поэтому теперь он усматривает в нигилизме «самое многообещающее из всех зрелищ».

«Третий шаг. Великое решение, не важно, подходящее ли к позитивной позиции, к утверждению. Нет больше ни Бога, ни человека надо мной!»

Великий инстинкт творца, который знает, к чему он приложил руку. Великая ответственность и невиновность». «Мы отваживаемся отправиться вдаль, мы осмеливаемся на это. Сама наша сила принуждает нас обратиться к морю, туда, где все светила до этого времени уже зашли: мы знаем о новом мире».

Создать новое – это прежде всего разрушенная и разоблачённая мораль. Философ должен «записывать новые ценности на новые доски». Это ведёт к «переоценке всех ценностей». Но она возникает не вследствие веры в некую трансценденцию, а исключительно исходя из человека. «Творящее, волящее, оценивающее ‘Я’ становится теперь мерой и ценностью вещей». Основной ценностью нового порядка ценностей становится жизнь. Речь идёт о «да» по отношению к жизни ещё в её наиболее чуждых и наиболее тяжёлых проблемах, о воле к жизни, будучи жертвой её наивысших образцов, радуясь собственной неисчерпаемости, чтобы самому быть вечным желанием становления, – тем желанием, которое заключает в себе ещё и желание уничтожения».

Человек также находится в этом великом процессе сотворения жизни, которая постоянно выходит за свои рамки. Он является «переходом и крушением». Но куда ведёт путь человека? Ницше отвечает: к чему-то такому, что больше, чем человек, но не к Богу, а к «Сверхчеловеку», к «человеку-молнии из тёмных облаков». Сверхчеловек будет новым и находящимся на более высокой ступени человеком. А человек настоящего является «канатом, связывающим животное и Сверхчеловека, – канатом над пропастью».

Предназначение выйти за свои пределы относится не только к человеческому существованию. Ницше понимает его как основную черту всей жизни, бытия вообще. Поэтому он приписывает всему характер «воли к власти». «Чем является для меня мир? Чудовищность силы, без начала, без конца, которая не истощается, а только преобразовывается – охваченное ‘ничем’ как своей границей, морем самих в себе бунтующих и наступающих сил, постоянно отступающих с отливом и приливом своих формообразований, стремящихся от наипростейшего к разнообразнейшему, из самого неподвижного, самого холодного к наиболее дикому, противоречащему самому себе, и затем снова возвращающихся из наполненности к простому, из игры противоречий обратно к желанию согласия, как становление, которое не знает насыщения, не знает усталости – это мой дионисийский мир постоянно-творящего-самого-себя, постоянно-самого-себя-разрушающего, – вы хотите название для этого мира? Этот мир является волей к власти – и ничем иным. И вы сами тоже являетесь этой волей к власти – и ничем кроме этого».

Эта жизнь в созидании и разрушении ни к чему не приближается, не имеет смысла и цели. Поэтому она в самых глубинах своей сущности нигилистична. Утверждение жизни является, таким образом, в конечном счёте утверждением нигилистичного характера жизни. Высшим символом этого служит для Ницше мысль о «вечном возвращении». Всё, что когда-либо было, придёт вновь. «Этот неторопливый паук, который ползёт в свете Луны, и сам этот лунный свет, и я, и ты, шепчущиеся в подворотне, шепчущиеся о вечных вещах – не существовали ли мы все уже раньше?» Тем самым достигнута высшая точка в нигилизме. «Бытие, такое, каким оно является, без смысла и цели, но неизбежно возвращающееся назад, без завершения в ‘ничто’: ‘вечное возвращение’. Это наиболее крайняя форма нигилизма: ‘ничто’ (бессмысленное) вечно».

Всё же для Ницше во всём этом заключается также и спасение от нигилизма. Ибо именно это бессмысленное бытие нужно утверждать и создавать, таким образом, посреди бессмысленности смысл. «Ставший свободным дух находится вместе с весёлым и надёжным фатализмом в центре Вселенной, веря, что предосудительно только единичное, что в целом всё себя спасает и утверждает – он больше не отрицает». Поэтому глубочайшее выражение позиции Ницше – это любовь к судьбе, «amor fati».

#### ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Вильгельм Вайшедель – автор этого текста о Ницше – родился в 1905 году во Франкфурте-на-Майне. В Марбурге он изучал евангельскую теологию, философию и историю. В 1932 году он стал доктором философии во Фрайбурге, в 1945 – доцентом, а затем профессором философии в Тюбингене. В 1953 Вайшедель продолжил свою карьеру в Свободном Университете Берлина. В 1970 году он вышел на пенсию, в 1975 – умер и был похоронен в Берлине. Такова краткая биография человека, посвятившего свою жизнь философии; биография историка философии, написавшего замечательную книгу о философах, начиная с Фалеса и заканчивая Витгенштейном.

Название книги – «Чёрная лестница философии» – свидетельствует о том, что в ней отражены не только известные факты из жизни мыслителей разных времён, но и скрытые стороны их бытия. Автор предлагает нам проникнуть в тайны их жизни «с чёрного хода», а не «с парадной лестницы», добраться до сути не обычным путём, но своеобразным. Вайшедель открывает читателю много интересных моментов из жизни Ницше, что, несомненно, помогает лучше понять этого загадочного и многопланового философа.

*К.А. Терентьева*